

Линь Хай горько усмехнулся:

— Поверь, я и сам всё прекрасно понимаю. Но разве так просто разорвать подобные узы? К тому же ради покойной супруги я всё ещё надеюсь, что беда обойдёт поместье Жунго стороной. Как-никак, они ведь родственники Юй-эр по материнской линии.

Гу И недолюбливал эту мягкотелость в характере друга, но, зная его натуру, спорить не стал. Лишь махнул рукой:

— Мой тебе совет: женись снова. Избавишься от кучи хлопот.

— Тебе легко говорить, братец Цзыгу, а сам-то за столько лет так и не завёл семью! Кому, как не тебе, меня понять?

После этих слов Гу И мгновенно помрачнел и умолк.

— Твоя правда, — наконец глухо отозвался он. — Зря я влез не в своё дело.

Видя его удручение, Линь Хай пожалел о своих словах. Строго говоря, их судьбы сложились поразному. В юности Гу И без памяти влюбился в кузину — сироту, жившую у дальних родственников. Они росли вместе, и хотя её происхождение оставляло желать лучшего, Старшая принцесса Анхэ молчаливо одобряла выбор младшего сына. Но судьба распорядилась иначе. Череду несчастий унесла жизни родителей и братьев девушки, оставив её круглой сиротой. Свадьбу сыграть не успели, и принцесса, испугавшись дурного предзнаменования, наотрез отказалась принимать в дом невестку с «тяжёлой долей». Родственников по отцовской линии у бедняжки не осталось, и её забрала родня по матери, увёзшая девушку далеко от столицы. Когда же Гу И наконец вырвался из-под деспотичной опеки матери и бросился на поиски возлюбленной, оказалось слишком поздно — она угасла от болезни.

Гу И едва не сошёл с ума от горя. Лишь годы спустя, случайно встретив её преданную служанку, он узнал страшную правду: новые опекуны, позарившись на сиротское наследство, пытались силой выдать её за своего сына. Девушка воспротивилась и погибла при невыясненных, тёмных обстоятельствах. Гу И жестоко отомстил её мучителям, но мёртвых уже было не вернуть. С тех пор он скитался по свету, избегая семейных уз и почти не показываясь в столице. Терзаемая чувством вины принцесса больше не смела неволить сына, позволяя ему жить так, как тот пожелает.

Впрочем, Гу И умел справляться со своими призраками прошлого. Заметив виноватый взгляд Линь Хая, он добродушно усмехнулся:

— Ладно тебе. Знаю же, что ты не со зла. Что ж, раз у нас такая доля, будем коротать холостяцкий век вместе!

Линь Хай облегчённо перевёл дух и, решив сменить тему, поддразнил друга:

— Ну, у меня-то хотя бы есть Юй-эр, так что я в куда более завидном положении.

При упоминании о Дайюй Гу И невольно нахмурился. Поместье Жунго пользовалось в столице сомнительной славой, и отпускать туда сироту казалось чистым безумием.

— Даже не думай отпускать племянницу к этим Цзя, — решительно произнёс он. — Я сегодня же напишу матушке, пускай подберёт для нашей девочки парочку опытных наставниц из императорского дворца. Не хватало ещё, чтобы её там кто-то обидел!

Линь Хай понимал, что друг просто переносит на Дайюй нерастраченную отцовскую нежность, и ничуть не обиделся. Напротив, он мягко улыбнулся:

— Заранее благодарен. Раз уж у тебя самого детей нет, как насчёт того, чтобы разделить мою Юй-эр пополам? Объявим тебя её крёстным отцом, что скажешь?

Гу И лишь отмахнулся, сочтя это за шутку:

— Подумаешь! Своих нет, зато племянников и племянниц хоть отбавляй. Так что прекрати хвастаться.

Ох, зря он это сказал! Для любого родителя собственное дитя — венец творения. Линь Хай обычно держался скромно и не расхваливал дочь на каждом углу лишь потому, что считал её достоинства и без того очевидными. Но небрежное замечание друга задело его за живое. В мгновение ока превратившись в самого яростного защитника своего чада, господин Линь принялся во всех красках расписывать таланты и ум Дайюй, твёрдо вознамерившись заставить упрямого холостяка взять свои слова обратно.

Пока взрослые предавались этому ребячеству, дети и ведать не ведали, о чём идёт спор. Они даже не подозревали, что старшие только что, образно говоря, заочно сговорились об их будущем.

Сад усадьбы Линь отличался изысканным убранством, однако Дайюй знала здесь каждый кустик, а Сяо Чжияюань отродясь не питал слабости к парковому искусству. Прогулявшись немного по дорожкам, они решили укрыться от полуденного солнца в тенистой беседке.

Слуги тут же расторопно подали чай и изящные сладости. Сяо Чжияюань с тёплой улыбкой обратился к девочке:

— Прости мою неотёсанность, сестрица Линь. Ваш сад прекрасен, спору нет, но я мало что смыслю в изящных искусствах. Мне ближе первозданная красота — величественные горы, бурные реки, бескрайние просторы.

Дайюй мягко улыбнулась:

— Ты слишком строг к себе, брат Сяо. А я вот о таких чудесах знаю лишь из книг. Читаю и только мечтаю увидеть всё воочию, да где уж мне...

— Если тебе так хочется, вовсе не обязательно ехать на край света, — попытался утешить её Чжиюань. — И здесь, в окрестностях Янчжоу, есть немало дивных мест, на которые стоит взглянуть.

Дайюй весело хмыкнула, но тут же вновь помрачнела:

— Места, может, и близкие, да только приличной барышне негоже разгуливать без сопровождения. У батюшки дела государственной важности, ему недосуг со мной возиться.

Видя её огорчение, Чжиюань не сдержался и выпалил:

— Я тебя сопровожу!

Заметив изумление на её лице, он поспешил исправиться:

— То есть... мы с дядей задержимся в Янчжоу на какое-то время. Твой отец наверняка будет завален работой, и если бы ты согласилась показать нам город, это было бы просто чудесно. К тому же ты кажешься такой хрупкой, а прогулки на свежем воздухе и новые впечатления весьма полезны для здоровья.

Каждое его слово дышало искренним участием. Дайюй хоть и была ещё мала, но обладала чуткой душой и сразу поняла, что юноша говорит от чистого сердца. Этот нечаянный знакомый нравился ей всё больше и больше.

— Коль скоро моё недужное здоровье тебя не пугает, — лукаво прищурилась она, — я со всей радостью исполню долг гостеприимной хозяйки.

Глядя на то, с каким важным видом девушка рассуждает о гостеприимстве, Чжиюань едва сдерживал смех. Смешные пучки волос на её макушке забавно покачивались при каждом движении. Боясь обидеть собеседницу, он поспешно кашлянул, скрывая улыбку, и приподнял пиалу:

— Что ж, тогда позволь мне пригубить этот чай вместо вина в знак благодарности.

— Не стоит благодарности, — Дайюй чинно последовала его примеру.

Чжюань залюбовался ею. Образ книжной барышни, рождённый его воображением, уступил место живому, очаровательному созданию. Она вовсе не казалась болезненно-унылой, напротив — в ней чувствовался скрытый задор. Не выдержав, юноша протянул руку и легонько ущипнул её за румяную щёку.

Кожа у неё оказалась мягкой, точно шёлк. Чжюань остался крайне доволен своей шалостью, даже не подумав о том, насколько двусмысленно выглядит его жест. Не будь они оба совсем детьми, его поведение сочли бы за непростительную дерзость.

Дайюй так и застыла на месте. Всё ведь шло так хорошо, с чего вдруг этот несносный мальчишка распустил руки? Стоявшие поодаль служанки растерянно переглядывались, не зная, стоит ли вмешиваться и защищать покой молодой госпожи.

— Немедленно отпусти! — первой опомнилась Дайюй.

Услышав её возмущённый возглас и увидев, как в глазах девочки заблестели слёзы обиды, Чжюань тут же отёрнул руку.

Ей стало до слёз обидно. Нашёлся тоже благородный господин! Поначалу показался таким вежливым, а на деле — сущий разбойник. Обиженно надувшись и прижав ладошку к щеке, она поднялась, собираясь уйти.

— погоди, сестрица Линь, не уходи! — испуганно преградил ей путь Чжюань. — Прости глупца, ради всех святых! Я дома вечно так со своими младшими дурачусь. Ты показалась мне такой милой, вот рука сама и потянулась... Клянусь, я не хотел тебя обидеть. Прости меня, неразумного!

Дайюй, сморгнув слезу, недоверчиво посмотрела на юношу, который согнулся перед ней в глубоком, почтительном поклоне.

— И это правда? Не врешь? Не хотел надо мной потешаться?

Почуввав, что гроза миновала, Чжюань принялся самым шутовским образом клясться в своей невиновности. Дайюй, решив, что глупо дуться из-за пустяка, сменила гнев на милость, но строго предупредила: ещё одна такая вольность — и она больше с ним не заговорит. Тот поспешно закивал, мысленно, впрочем, решив оставить этот вопрос открытым.

Когда они снова устроились в беседке, Дайюй принялась расспрашивать его о братьях и сёстрах. Детство её прошло в щемящем одиночестве. Родители души в ней не чаяли, но слабое здоровье не позволяло девочке резвиться со сверстниками. Был у неё когда-то младший братец, да прожил всего три года и угас. Рассказы Чжюаня о шумной родне будили в её сердце тихую зависть.

Чжюань сразу заметил эту тоску в её глазах и принялся охотно делиться подробностями:

— Моя бабушка ещё жива, поэтому наша большая семья не разделяла усадьбу — мы живём под одной крышей с семьями моих дядёв. Детей у нас полон дом! У отца я старший, но среди кузенов занимаю третье место. Дома все младшие зовут меня просто третьим братом. Если хочешь, зови меня так же, а я буду звать тебя сестрицей Юй. Так ведь куда душевнее, правда?

Дайюй забавно склонила голову набок, призадумалась на мгновение и весело кивнула:

— Хорошо, третий брат! Рассказывай дальше, сколько же у тебя всего братьев и сестёр?

От этого её нежного «третий брат» у Чжюаня потеплело на душе. Сравнивая Дайюй со своими несносными домашними забияками, он укрепился в мысли, что небесная дева во плоти куда приятнее в общении.

Скрыв довольную усмешку, он продолжил:

— Мальчишек у нас восемь. Двое из них — мои родные братья, остальные — двоюродные. Девочек семеро, но родная сестра у меня одна, Ваньжоу. Она всего на год старше тебя.

— Как вас много! — восхитилась Дайюй. — Наверное, в доме никогда не бывает скучно. И ты, должно быть, очень их любишь?

— Если судьба приведёт тебя к нам в гости, они непременно полюбят тебя с первого взгляда, — улыбнулся Чжюань. — Особенно Ваньжоу. Правда, нрав у неё тот ещё, егоза несносная, до твоей кротости ей далеко.

— Наверняка она чудесная барышня, иначе ты бы так тепло о ней не отзывался, — вздохнула Дайюй. — Как бы мне хотелось иметь старшего брата...

— Не печалься, сестрица Юй, — тут же горячо заверил её Чжюань. — С этого дня у тебя есть я. Можешь во всём на меня положиться.

Дайюй лишь ласково улыбнулась в ответ. Ей было приятно его заступничество, хоть она и не приняла эти слова всерьёз.

Вскоре слуга почтительно возвестил, что обед подан, и пригласил молодую госпожу и гостя пожаловать в трапезную. Они поднялись и направились к главному дому.

Однако стоило им переступить порог залы, как Дайюй почувствовала неладное. Господин Гу уставился на неё таким восторженным взглядом, словно перед ним предстало невиданное сокровище, а батюшка сидел бледный и явно не находил себе места.

Линь Хай заметил недоумение дочери, но признаться, что в порыве отцовской гордости без умолку хвастался ею и теперь пожинал плоды в виде притязаний друга, ему было неловко. Гу И спал и видел, как назовёт Дайюй приёмной дочерью, а сам кусал локти от досады, не желая ни с кем делить своё сокровище.

Чтобы разрядить обстановку, Линь Хай ласково расспросил Чжиюаня, пришлась ли ему по душе прогулка. Юноша вежливо поднялся, поблагодарил хозяина дома и заверил, что они с сестрицей Линь прекрасно провели время.

— Да, батюшка, — подхватила Дайюй. — Третий брат такой чуткий! Он рассказал мне о своей большой семье и о том, как сильно любит младших.

Услышав это ласковое «третий брат», Линь Хай помрачнел ещё больше. Юный Сяо, прежде казавшийся ему весьма достойным молодым человеком, вдруг начал вызывать у него смутное беспокойство. А тут ещё этот «дядюшка» сидит напротив и пожирает взглядом Дайюй...

«Они что, сговорились отобрать у меня дочь?» — ревниво подумал заботливый отец.

Гу И, размышлявший, как бы половчее сосватать себе такую чудесную названую дочурку, от слов Дайюй чуть не поперхнулся чаем. Он уставился на племянника круглыми от изумления глазами.

«Этот негодник — заботливый брат?! Да если домашние сорванцы услышат такое, они от смеха животы надорвут!»

С сёстрами Сяо Чжиюань ещё держал себя в рамках приличий, да и общался мало, не считая родной сестрицы. Но что до братьев — те, завидев Сяо-третьего, обычно разбегались кто куда!